

И.Х. Сулаев

**ШЕЙХИ И ОБЩИНЫ МЮРИДОВ В СОВЕТСКОМ ДАГЕСТАНЕ
(20–30-е гг.)**

Дагестан традиционно являлся одним из центров активной деятельности суфийских братств. Суфизм здесь не ослабил своего влияния и в первой трети XX в. Феномен неослабевающего влияния суфизма на мусульман заключается в том, что он примирил ислам с некоторыми доисламскими обрядами и культами и стал доступным для всех его адептов (*Аликберов А.К.*, 2003. С. 501).

Главное место в суфизме занимает духовный наставник – учитель – муршид, шейх. Для мюрида он становится приоритетом во всех религиозных и светских вопросах. Исторически на Северо-Восточном Кавказе утвердились два влиятельных суфийских братства – накшбандия и кадирия, которые в виде многочисленных ответвлений – вирдов сохранились даже в самые суровые антирелигиозные десятилетия, уходя от репрессий в глубокое подполье. В Дагестане к 20-м гг. XX в. имел широкое распространение в основном суфизм братства накшбандия и связанный с накшбандийской ветвью Хасана Кахибского (Махмудийя) тарикат шазилия, проникший в Дагестан через Сайфуллу-кади Башларова в 1915 г.

Каждый шейх в своё время был учеником-мюридом у определённого устаза – муршида. В силу глубоких религиозных знаний и подверженности мистике (по терминологии российских исламоведов. – Авт.) эти мюриды оказывались способными воздействовать на сознание и поведение верующих и заслуженно получали от устازов иджазу – право наставлять на тарикат. Согласно же мнению суфиев, иджаза передаётся от Бога. Вокруг шейхов складывалась спаянная группа мюридов – община, во всём следующая ему. Она получала название по имени их основателей.

Как и царская власть, советская администрация не видела никаких различий между тарикатами. В советских источниках суфийские общины – братства назывались «сектами». Членов неформальных объединений суфиев и их сторонников официальные источники продолжали называть последователями «мюридизма», связывая их тем самым с движением мусульманского повстанчества, использовавшего суфийские лозунги и организационные принципы в период Кавказской войны XIX в. (*Бобровников В.О.*, 2006. С. 668).

Большие споры дагестанские суфии вели по поводу достоверности их права наставлять мюридов на путь тариката. Последователи шейха Хасана Кахибского обязательным условием для распространения тариката считают наличие письменной иджазы. Тех, кто не имел письменного разрешения на наставничество от своего учителя – муршида, называли лжешейхами («муташейхами») (*Шихалиев Ш.*, 2003. С. 48).

В первой трети XX в. в Дагестане было несколько десятков шейхов. Они оспаривали друг у друга законность получения иджазы. Такие споры по поводу достоверности получения иджазы в суфийской среде велись на протяжении XX в.

Отдельные дагестанские шейхи получили разрешение обучать мюридов от нескольких устазов – муршидов. Например, Хасан Кахибский вначале иджазу на

распространение накшбандийского тариката получил от Абдурахмана-хаджи Асабского, а потом от Шуайба-афанди Багинубского. От Сайфуллы-кади Башларова Хасан Кахибский (1852–1937) получил иджазу на распространение трёх тарикатов – накшбандийского, шазилийского (письменное разрешение) и кадирийского (устное). Другой шейх – Хабибулла-хаджи Кахибский (1844–1924) получил письменную иджазу – разрешение на наставничество мюридов и распространение накшбандийского и шазилийского тарикатов от Абдурахмана-хаджи Асабского и Хасана Кахибского (*Арипов Гаджи.*, 2006. С. 135–136).

Влияние суфийских шейхов на мусульман Дагестана стало расти особенно после Февральской революции 1917 г., когда некоторые из них вернулись из ссылки и активно включились в общественно-политическую жизнь края, а в годы Гражданской войны возглавили борьбу против «белых» и «красных». Рост числа шейхов и общин их мюридов можно объяснить как демократическими веяниями Февральской революции, так и смутными годами Гражданской войны. Некоторые духовные вожди чутко уловили назревающие перемены. В частности, Сейфулла-кади Башларов перед смертью в 1919 г. просил своего мазуна Хасана Кахибского увеличить число мюридов, объяснив свою просьбу происходящими в стране изменениями. Башларов писал Кахибскому о том, что «времена меняются, наступит период разброда, разложения. Ты, засучив рукава, постарайся распространять тарикат, это будет твоим газаватом в такое смутное время» (*Арипов Гаджи.*, 2005. С. 67). Антирелигиозная политика советской власти 20 – начала 30-х гг. в некотором роде стимулировала рост подпольных общин мюридов. Последние предпринимали попытки адаптироваться к новым социально-экономическим и общественно-политическим условиям.

В советской исторической литературе утвердилась точка зрения, что, поняв бессмысленность вооружённой борьбы против большевиков, шейхи и направляемые ими мюриды делали всё, чтобы дискредитировать советскую власть, сорвать мероприятия по обучению детей в школах, взрослых в ликпунктах, вели ожесточённую борьбу против коллективизации, прибегали к террору против активистов. Такая точка зрения была продиктована партийными установками 20-х гг. В частности, на заседании объединённого пленума Дагестанского обкома РКП (б) и Дагестанской контрольной комиссии, проходившем 27 марта 1925 г., выражалась обеспокоенность ростом в республике общин мюридов и признавалось, что «мюридизм становится явлением общественным» и в общины мюридов вступает «часть населения». К суфиям и их последователям партийные чиновники относились как к классовому врагу, хотя признавали, что ряды мюридов пополняют не только «кулаки и торговцы», но и «средняки и бедняки, обиженные и неудовлетворённые нами».

В качестве причин такой популярности «мюридизма» указывались «неумелые действия и неумелое руководство некоторых представителей власти» по отношению к крестьянству и отсутствие «ясной и активной работы». В докладе признавался «наблюдаемый за последние два года рост мюридизма» как «отчаянный шаг громадных масс крестьянства, оказавшихся в тисках самой острой и безысходной нужды» за отсутствием «всяких заработков во время кризиса отхожего и кустарного промысла» (Протокол заседания II объединённого пленума Дагестанского обкома РКП (б) – ВКП (б) и Дагестанской контрольной комиссии РКП (б) – ВКП (б) от 27 марта – 10 декабря 1925 г. ... Л. 77).

Более резкие оценки в адрес общин мюридов звучали из уст чиновников силовых структур, в частности ОГПУ. Некоторые общины мюридов обвинялись силовиками в пособничестве зарубежной эмиграции и в создании повстанческих комитетов. Например, общины мюридов А.-Х. Акушинского и М.-Х. Дейбукского в 1925 г. обвинялись в сборе средств «для оказания помощи белой эмиграции в борьбе с советской властью, к созданию повстанческих комитетов, для нанесения удара по тылу Советского Союза в случае войны и об установлении постоянной связи между организацией и зарубежными силами» (*Алискеров И.Ш.* 1967., С. 99). Чуть позже, в 1926–1927 гг., суфийские братства Дагестана обвинялись властями в установлении контактов с зарубежными «контрреволюционными центрами в Турции». Резко отрицательно характеризовали суфиев Дагестана партийные и советские чиновники до конца 20-х гг. Например, решением объединённого пленума Дагестанского обкома ВКП (б) и Дагестанской контрольной комиссии, который состоялся 13–20 февраля 1928 г., «шейхизм» был объявлен «наиболее реакционной частью мусульманского духовенства» и рассматривался «как один из основных факторов антипартийных и антисоветских сил нашей страны» (*Даниялов А.Д.*, 1975. С. 184). Шейхи считались «хитрыми, умными, с большим ораторским талантом», свободно пользующиеся бесчисленными цитатами и заключениями из Корана, много говорящие о бренной и суетной земной жизни, «мнимо постыющиеся и ханжески воздающие хвалу пророку» (*Нажмутдин Самурский*, 2003. С. 232). Такие оценки республиканских чиновников были связаны с идеологическими установками ЦК ВКП (б), который как раз определял общую идеологическую борьбу в стране и причислял всяких служителей культа к «контрреволюционным» силам.

Значительная часть суфийских шейхов Дагестана, в годы Гражданской войны поддержала большевиков и помогла установить советскую власть. Эти связи не помешали тарикатам действовать по-прежнему автономно и независимо от властей. Никакой достоверной статистики суфиев в регионе не велось, а их число оценивали приблизительно. Показатели эти в Дагестане были довольно велики. По одним данным, в первые годы советской власти население Дагестана находилось под большим влиянием 29 шейхов, имевших по несколько тысяч мюридов, готовых выступить по призыву своего духовного наставника (Атеистическое воспитание населения. 1977. С. 80–81). Чтобы ослабить влияние шейхов на горцев Дагестана и для привлечения последних в советское строительство, некоторые советские чиновники предлагали «умело вливать трудовые лозунги экономического и политического характера как внутри разлагающие шейхизм начала, которым кавказцы незаметно и легко поддаются и живо воспринимают» (Доклад члена Реввоенсовета (РВС) Кавказского фронта Трифонова в ЦК РКП (б) от 12 ноября 1920 г. ... Л. 8).

Подавляющее большинство суфиев и их последователей в годы новой экономической политики мирно уживалось с новой властью. По мнению крупного советского и партийного работника Н. Самурского, в середине 20-х гг. в Дагестанской АССР духовная интеллигенция не вела активной борьбы против советской власти и коммунизма. Наоборот, писал он, «мюридизм, в последнее время заметно расширяющийся в Дагестане, охотно подделывается под коммунизм» (*Нажмутдин Самурский*, 2003. С. 147).

Неослабевающее влияние шейхов на умы горцев сильно беспокоило республиканские власти до конца 20-х гг. Выступая на антирелигиозном совещании, ко-

торое состоялось в феврале 1929 г., член Дагестанского обкома Таслицкий и другие ответственные партийные работники говорили о наличии в Дагестане 17 шейхов, «главных агитпропов – идеологов исламизма, вокруг которых объединились десятки тысяч мюридов» (Материалы Дагестанского обкома ВКП (б) от 1929 г. ... Л. 5, 11). Советские и партийные работники предлагали активу бороться с шейхами и их мюридами экономическими методами, т. е. облагая их доходы налогами, т. к. административные меры давления не нашли бы понимания и поддержки со стороны населения.

В общины мюридов в Чечне и в Дагестане входили целые тейпы и тухумы. Были случаи, когда члены одной семьи объявляли себя мюридами разных шейхов. Иногда представители одного рода в нескольких поколениях являлись суфийскими шейхами. Например, традицию ставшего в середине XIX в. шейхом накшбандийского тариката из селения Дейбук Даргинского округа (ныне этот аул входит в Дахадаевский район, а новый переселенческий аул Новый Дейбук входит в Каякентский район) Курбана-Магомеда, получившего ранг муршида от Джамалутдина Казикумухского, продолжили потомки в четвёртом поколении (*Гаджиев М.-Г.М.-А.*, 2003. С. 103–114).

Заметный рост мюридских общин в Дагестане отмечается в 1920-е гг. По мнению И. Ш. Алискерова, общее количество мюридов на миллион жителей Дагестана тогда составляло около 60 тысяч (*Алискеров И.Ш.*, 1967. С. 93). Эти данные, извлечённые учёным из архива советских спецслужб и приводимые ниже агентурные цифры ОГПУ, советских и партийных структур о количестве мюридов, можно считать весьма условными. Учёт мюридов за редким исключением шейхи не вели, а списки, если и составлялись, то вряд ли попадали в руки спецслужб.

Наибольшее количество мюридов в годы Гражданской войны и после имел шейх накшбандийского тариката Али-Хаджи Акушинский (1847–1930), особенно в тех населённых пунктах Дагестана, которые поддержали большевиков по его призыву. Являясь наркомом шариата и имея духовный титул шейх-уль-ислама, для расширения своего вирда он получил все легальные рычаги влияния.

По примерным подсчётам работников Рабоче-крестьянской инспекции, обследовавших Даргинский округ в 1926 г., число его мюридов несколько сократилось, но все еще насчитывало 500–700 человек (*Скачко Ан.*, 1931. С. 91). По другим данным тех же лет, шейх Али-Хаджи имел около 500 мюридов, из них – 300 мужчин и около 200 женщин (Материалы Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) ДАССР... Л. 74). И. Ш. Алискеров писал, что община шейха Али-Хаджи Акушинского насчитывала до 20 тысяч мюридов (*Алискеров И.Ш.*, 1967. С. 93).

Согласно агентурным данным ОГПУ, количество последователей (мюридов) после его смерти в апреле 1930 г. в Левашинском, Коргмаскалинском, Дахадаевском, Кайтагском, Дербентском, Махачкалинском, Лакском районах насчитывалось около 5 тысяч. В десятках населённых пунктов мюриды А.-Х. Акушинского работали кадиями шариатских судов и руководителями мусульманских общин – муллами и имамами. Так, прибывший в октябре 1924 г. в селение Зидьян Нижнетабасаранского участка его мюрид Саид-кади получил должность сельского муллы и шариатского кадия. Дополнительно здесь же он сумел организовать собственное медресе (*Власть и мусульманская религия в Дагестане...*, 2007. С. 47–48).

При жизни шейх не назвал своего преемника – мазуна, и это вызвало среди окружения большие пересуды. Сотрудники ОГПУ, пользуясь слухами, получае-

мыми от местных агентов, на следствии в 1929 г. пытались доказать, что преемником отца является именно старший сын Магомед. Тот наотрез отказался и не признался даже в том, что принял иджазу у шейха накшбандийского тариката Хизри-хаджи Мугринского и стал шейхом. В духовной генеалогии – силсила шейхов, составленной алимом Абусуфьяном-кади Акаевым, Магомед Акушинский как раз причислен к шейхам (*Якубов М.Х.*, 2002. С. 55). У нас нет достоверных источников, подтверждающих наличие настоящего преемника А.-Х. Акушинского.

После смерти А.-Х. Акушинского в начале 30-х гг. его вирд насчитывал не менее 15 братств-общин в даргинских, кумыкских, лакских и лезгинских аулах, хотя не имел общего руководителя. В разных аулах его заменял какой-нибудь старший мюрид или «шейхствующий мюрид», как называли его сотрудники ОГПУ.

Самая крупная община мюридов А.-Х. Акушинского находилась в его родовом ауле Акуша и близлежащих населённых пунктах, входящих в акушинский сельсовет. Сотрудники ОГПУ называли окружение Али-Хаджи Акушинского «торгашеско-спекулятивным», хотя признавали наличие у шейха большого количества последователей и среди бедняков и середняков.

Некоторые из мюридов Али-Хаджи Акушинского сидели в советских тюрьмах за участие в антисоветском восстании 1920 – 1921 гг., обвинялись в ведении антисоветской агитации среди жителей аула и находились под наблюдением агентов ОГПУ.

Братство другого накшбандийского шейха Хизри-хаджи Мугринского, возглавляемое старшим мюридом Магомед-Хабибом-хаджи Абдулкадыровым, состояло из 8 мюридов, жителей родового селения Мугри Коркмаскалинского (ныне Сергокалинского) района. Агентурные данные ОГПУ подтверждают, что шейх Хизри-хаджи Мугринский имел мюридов-последователей и в близлежащих аулах. Согласно генеалогии накшбандийского тариката, составленной крупным учёным-алимом Абусуфьяном-кади Акаевым, Хизри-хаджи Мугринский получил иджазу у Абдурахмана-хаджи Согратлинского. Все даргинские шейхи первой трети XX в. – Али-Хаджи Акушинский, Хизри-хаджи Мугринский, Зубайру-хаджи Гамринский, Абдулла-хаджи Урахинский и Магомед-хаджи Дейбукский являлись последователями линии Абдурахмана-хаджи ас-Сугури (*Якубов М.Х.*, 2002. С. 55). В другой силсиле накшбандийских шейхов, составленной Саидом-эфенди Чиркеевским, эти же шейхи вообще не упоминаются.

Небольшая община мюридов в родном ауле Кичигамри Коркмаскалинского района и несколько общин мюридов в соседних аулах – Алхаджикент, Утамыш, Губден – были у шейха накшбандийского тариката Зубайру-хаджи Гамринского.

Десятки общин мюридов ещё в начале 1930-х гг. имелись у шейха накшбандийского, шазилийского и кадирийского тарикатов Хасана-Хильми Кахибского. Согласно одним данным ОГПУ, у него было 2 121 мюрид в Кахибском, Гунибском, Чародинском, Тляртинском, Хунзахском, Буйнакском и Хасавюртовском районах. Из них – 493 мужчины (23,5%) и 1628 (76,5%) женщин. По другим данным ОГПУ, в 1933 г. его общины объединяли 13 тысяч мюридов. По мнению И.Ш. Алискерова, община Хасана Кахибского насчитывала до 5 тысяч мюридов (*Алискеров И.Ш.*, 1967. С. 93).

Сам шейх во время второго ареста в 1937 г., после которого был расстрелян, назвал скромное число своих мюридов – 200–300 человек. Выступивший на до-

просе в качестве свидетеля Али-Муса Салихов показал, что у Х. Кахибского до революции 1917 г. было «до тысячи мюридов» (*Мусаев М.М.*, 1999. С. 122, 188). Наибольшее число мюридов Хасан-Хильми имел в родном Кахибском районе, поэтому советские чиновники совершенно справедливо считали этот район наиболее подверженным суфизму. Среди мюридов выделялись самые доверенные и старшие. По одним данным ОГПУ, у Кахибского было 28 старших мюридов-мужчин и 6 женщин. Очень часто в сводках силовых структур и партийно-советских органов власти 20–30-х гг. признаётся рост числа мюридов за счёт женщин, что вызывало у властей сильное беспокойство. Сотрудники силовых структур, многие советские и партийные чиновники, особенно представители русскоязычного населения, не разбирались в суфизме и в его обрядах, и, соответственно, в сводках и отчётах часто допускали нелепые ошибки и искажения. Современные почитатели и последователи Хасана Кахибского уверены в том, что в его общинах мюридов в 20–30-х гг. могли быть и женщины.

Фамилии и имена старших мюридов-мужчин братства Хасана Кахибского, кроме имени Дибирова Мухаммад-афанди из селения Асаб, которому в августе 1932 г. он дал иджазу и право самому наставлять и обучать других мюридов, в известных нам документах ОГПУ и других органов власти не упоминаются. Они фигурируют в сфабрикованном в 1937 г. Дагестанским отделом ОГПУ деле против шейха Хасана-Хильми. После отказа муршида принимать мюридов они тайно ходили к Дибирову. Опасаясь гонений властей, он, как и устаз Мухаммад-афанди, принимал мюридов тайно по 4–5 человек. Более смелые мюриды ходили большими группами открыто и днём.

Никакие агентурные сводки ОГПУ и документы других структур власти не указывают, какому тарикату следовали дагестанские шейхи. Это лишний раз свидетельствуют о том, что общины мюридов были закрыты для посторонних, а советские чиновники не разбирались в тонкостях суфизма и других религиозных вопросах. Как отмечено выше, Хасан Кахибский был муршидом накшбандийского, шазилийского и кадирийского тарикатов. В кадирию он не вовлекал мюридов, потому что иджаза кадирийского тариката ему была дана в устной форме, что, по его словам, не являлось достаточным основанием для этого. Достоверно известно, что преемниками Хасана Кахибского по накшбандийскому и шазилийскому тарикатам стали Мухаммад-афанди Дибиров (умер в 1942 г.) из селения Асаб, Гитиномухаммад Дибир (Хумайд-афанди) (1874–1952) из селения Андых, Хусенил Мухаммад-афанди (1862–1967) из селения Уриб (*Шихалиев.Ш.*, 2003. С. 50).

Реальное число мюридов Хасана Кахибского, разбросанных в семи районах Дагестанской АССР, конечно же, не могло соответствовать тому, что приводилось в сводках ОГПУ и материалах других властных структур. Судя по географии последователей, общины мюридов Хасана Кахибского были моноэтническими, в отличие от общин шейха Али-Хаджи Акушинского, но этот вопрос требует уточнения.

А.-Х. Акушинский и Х. Кахибский не поняли преобразований советской власти, хотя были лояльны к ней в начале её утверждения в Дагестане. Новая власть не оправдала их благих надежд. Кампании по закрытию мечетей, мусульманских школ – медресе и мектебов, шариатских судов, изъятие вакфов и закята из ведения духовенства, лишение гражданских прав представителей духовенства, а потом и политические репрессии, насильственная коллективизация крестьянских хозяйств никак не укладывались в рамки исламских ценностей и противоречили шариату.

Тем не менее открытых антисоветских высказываний Хасан Кахибский, в отличие от А.-Х. Акушинского, себе не позволял. Наоборот, шейх Кахибский неодобрительно относился к тем коллегам, которые активно вмешивались в светские и политические дела. Ссылаясь на авторитетные мусульманские книги, он цитировал своему близкому окружению высказывания крупных богословов о том, что «подчинение Богу, пророку и власти – обязательно», и призывал своих мюридов подчиняться законам советской власти (Политические сводки ОГПУ ... Оп. 2. Д. 49. Л. 98). До конца дней своих Хасан Кахибский выполнял все требования властей, в том числе исправно платил налоги, покупал государственные займы и уговаривал сельчан участвовать во всех начинаниях Советского государства. Такие же поручения он давал своим последователям из других населённых пунктов. Его тактика «непротивления» властям была продиктована желанием «выжить» в условиях религиозных гонений. Тактика «выживания», занятая многими шейхами, дала их последователям возможность приспособиться к новым общественно-политическим условиям. Для многих суфиев Дагестана стала уроком участь шейха Али-Хаджи Акушинского и близкого его окружения, репрессированных в 1929 г. по сфабрикованному ОГПУ уголовному делу № 06599.

Признание властями и оказываемые верующими почести расширяли круг почитателей Хасана Кахибского. Несмотря на публичные отказы, мюриды из близких и дальних районов продолжали тайно посещать его. Его община продолжала расширяться, это вызывало опасения властей. Дагестанское отделение ОГПУ приставило к шейху и близкому его окружению девять агентов из местных жителей, которые продолжали докладывать о тайном распространении шейхом своего вирда и вербовке новых мюридов (Политические сводки ОГПУ ... Оп. 2. Д. 4. Л. 69).

Дагестанским отделом ОГПУ к шейхам были причислены ещё 18 бывших старших мюридов. Согласно сведениям спецслужб, общины «шейхствующих мюридов» объединяли сотни и тысячи мюридов, но никакие данные других государственных институтов власти и известные нам советские источники не дают ответа на вопрос, преемниками какого шейха они являлись. Нет ответов на этот вопрос и у самих религиозных деятелей из суфийской среды. Нет никаких данных и о том, какому тарикату следовал и чьим преемником – мазуном являлся шейх Ибрагим Ханбаба Ханбабаев из селения Халимбакаул Буйнакского района, возглавлявший братство из 800 мюридов – 610 мужчин (76,2%) и 190 женщин (23,8%). Не располагают о нём никакими сведениями и современные суфии и другие духовные лица, к которым мы обращались. Мы полагаем, что Ханбабаев следовал самому популярному и доступному в Дагестане и на всем Восточном Кавказе накшбандийскому тарикату и мог быть мазуном малоизвестного шейха, каких в 30-е годы появилось много.

Некоторые шейхи имели небольшой круг мюридов-последователей, как правило, из одного аула и даже близких родственников. Например, житель селения Алмак Казбековского района Амир Али-хаджи Алмакский в 1933 г. сумел создать общину мюридов из 22 сельчан. Репрессированный в 30-е гг. шейх накшбандийского тариката Абдулвагаб-хаджи Дыдымов Аксайский (1854 –) имел в 1933 г. в Хасавюртовском районе ДАССР и в Чеченской области 360 мюридов. Исследователь Б. Аджаматов полагает, что у Абдулвагаба-хаджи по всему Северному Кавказу было несколько тысяч мюридов. В сфабрикованном против него ОГПУ «деле» сохранилась справка, составленная сотрудниками ОГПУ, она именуется Аб-

дулвагаба-хаджи признанным шейхом в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и других местах. Справка указывает слишком завышенное число мюридов – до 5 тысяч (*Аджаматов Б.*, 2005. С. 230).

Некоторые дагестанские шейхи имели сотни мюридов и в соседней Чечне. Особенно было много мюридов – последователей «аксайской» линии накшбандийского братства. В распространении накшбандийского тариката среди чеченцев исследователи отдают предпочтение Абу-шейху (Башир-шейху) из кумыкского аула Аксай (*Аджаматов Б.*, 2005. С. 226–227). Согласно сводкам ОГПУ 1930 г., Башир-шейх Аксайский имел сотни мюридов в чеченских аулах Курчалой, Элисхан-юрт и других (Политические сводки ОГПУ... Оп. 2. Д. 23. Л. 76). Немало было общин мюридов и в чеченских аулах Хасавюртовского района Дагестанской АССР. Так, согласно оценкам сотрудников ОГПУ, в 1930 г. шейх Нинихаджиев Ибрагим из селения Бачиюрт Хасавюртовского района имел до 10 тысяч мюридов. Мы полагаем, что эти и ряд других цифровых показателей общин мюридов, предоставляемых советскими органами власти, являются слишком завышенными. Тем самым силовые структуры республики оправдывали свои репрессивные меры в отношении суфиев и их последователей. Особенно репрессии усилились в 30-е гг. после подавления восстаний, вспыхнувших под руководством духовных лиц против насильственной коллективизации и антирелигиозных мероприятий советской власти.

По данным сотрудников ОГПУ, шейх Арсланали-хаджи Гусейнов (Казанищенский) в 1925 г. в аулах Буйнакского района имел несколько общин мюридов (Политические сводки ОГПУ... Оп. 3. Д. 4. Л. 71). По другим данным, в плоскостных населённых пунктах Дагестанской области до революции у него было около 3 тысяч мюридов. Активная религиозная деятельность Арсланали-хаджи по вовлечению мюридов в своё братство и магические способности влияния на верующих, которыми якобы он обладал, привлекли внимание и царских властей. Он был вызван губернатором Дагестанской области генерал-лейтенантом Вольским на допрос и предупреждён, чтобы не занимался «обманом людей». Никакие источники не указывают, какому тарикату следовал Гусейнов. Как активный религиозный деятель Гусейнов был арестован в 1927 г., а его дело продолжил старший мюрид из селения Нижнее Казанище – 60-летний Ибну Тагир Магомед.

Как выше мы отмечали, в середине 20 – начале 30-х гг. заметно активизировалась проповедническая деятельность шейхов и их старших мюридов среди женщин. Особенно активно женщины вовлекались в общины Али-Хаджи Акушинского, Хасана Кахибского, Ибрагима-хаджи Кучринского, Шарафутдина Кикунинского и Дервиш-хаджи Инхойского. Например, по одним данным ОГПУ 1933 г., из 4042 мюридов число женщин составило 2218 (54,9%), а мужчин 1824 (45,1%). Заметно число мюридов увеличилось за счёт женщин у тех шейхов, которые умерли или расценивались карательными органами советской власти как «контрреволюционеры». Например, в 1933 г. агентура ОГПУ сообщала о том, что община арестованного в 1926 г. шейха Маккашарипа (Куппинского или Гергебильского, непонятно. – Авт.) увеличилась до 3 тысяч мюридов за счёт женщин (Политические сводки ОГПУ... Оп. 2. Д. 15. Л. 158. Д. 17. Л. 112).

Согласно агентурным данным ОГПУ число женщин, провозглашённых шейхами в конце 20-х – начале 30-х гг., в Дагестанской АССР увеличилось. Так, в 1933 г. из 18 причисленных к шейхам и не включённых в известные нам силсила, шестеро были женщинами. Сравнив разные агентурные данные ОГПУ, мы уточ-

нили это число и выявили не менее девяти «шейхствующих женщин» (терминология сотрудников ОГПУ). Например, шейхом и преемником умершего шейха Дервиш-хаджи Инхойского считалась жительница селения Киялтль Гумбетовского района Хадижат Якубова, возглавлявшая общину мюридов из 50 человек. Из них 15 мужчин (30%) и 35 женщин (70%) из Гумбетовского и Ботлихского районов. Самопровозглашёнными (лжешейхами) считались также Марьям Абдуллаева из селения Куба Лакского района, Патимат Газимагомедова из селения Согратль Гунибского района, Умму-Хабибат Курбанова из селения Нижний Дженгутай Буйнакского района, Рукият Багамедова из селения Телетль Кахибского района, Райганат Магдиева из селения Зугун-махи Акушинского сельсовета Левашинского района, Меседо Гасаналиева из селения Митиурск Кахибского района, Хамдулай Хириясул из селения Зиуриб Кахибского района. В 1938 г. как шейха некоторые верующие почитали и 55-летнюю Патимат Магомедгаджиеву из селения Балаханы Унцукульского района (Материалы Дагестанского совета воинствующих безбожников (СВБ)... Оп. 11. Д. 7. Л. 13).

После эмиграции шейха нескольких тарикатов Шарафутдина Кикунинского в Турцию его общину мюридов на родине до первой половины 1930-х гг. возглавляла мюрид Умму Хабибат Курбанова из селения Нижний Дженгутай Буйнакского района. В общину входили 75 мюридов-женщин из Левашинского и Буйнакского районов (Власть и мусульманская религия в Дагестане..., 2007. С. 107–111). Община мюридов шейха Шарафутдина Кикунинского, как и большинство других, была полиэтнической. Он имел последователей не только среди аварцев, но и среди других народов Дагестана. В частности, в даргинском селении Хаджал-Махи Левашинского района была небольшая община мюридов, оказывавшая сопротивление советским преобразованиям. Самопровозглашёнными шейхами считались и другие 28 старших мюридов – мужчин.

Братство шейха накшбандийского тариката Гусейна Хуштадинского (умер в 1930 г.) из Цумадинского района во второй половине 20 – начале 30-х гг. состояло из 250 мюридов. Братство было разбросано в высокогорных аулах Ахвахского участка, Цумадинском и Цунтинском районах. Небольшие общины его мюридов имелись и в нескольких аулах Нагорной Чечни, но точное число мюридов и в каких именно аулах они были сводки ОГПУ не называют. Братство Хуштадинского считалось наиболее «реакционным и фанатичным», легко поддаваемым «обработке контрреволюционной и антисоветской» агентуры (Справка по агентурным ресурсам Дагестанского отдела ОГПУ на 1. X. 1930 г. ... Оп. 2. Д. 49. Л. 100).

Мюриды братства Хуштадинского стали самыми активными участниками Дидоевского и Ахвахского восстаний, вспыхнувших весной 1930 г. против колхозного строительства и антирелигиозных гонений властей. После смерти шейха Гусейна Хуштадинского преемником и руководителем братства стал его сын Абдулла Гусейнов, отдельные общины мюридов возглавляли другие старшие мюриды.

Власти изъяли у одного старшего мюрида Хуштадинского листовку антисоветского содержания на аварском языке, которая потом была переведена на русский язык. Автор в стихотворной форме изложил признаки «конца света», наступившие якобы из-за антирелигиозных гонений. Как большую трагедию он рассматривал гонения на наиболее интеллектуальную часть духовенства – алимов и шейхов, а самих хозяев положения – большевиков, предавал проклятиям, называя их даджалами.

Общины мюридов шейха Гаджи-Рамазана Штульского после его расстрела в

1930 г. в Курахском и Сулейман-Стальском районах насчитывали 415 человек. Одну из них в Курахском районе возглавлял старший мюрид Сейфулла Рамазанов. Другую общину из 45 мюридов-мужчин возглавлял 58-летний старший мюрид Гаджи-Курбан Салихов из селения Цнал Хивского района.

Согласно сводкам Дагестанского совета воинствующих безбожников, в начале 30-х гг. в Курахском районе объявилось несколько шейхов, влияние которых распространялось на аулы Курах, Штул, Ашакент, Кочхюр Курахского района, Хутхул, Рича Агульского района (Материалы Дагестанского совета воинствующих безбожников... Оп. 4. Д. 17. Л. 1) Их имена в документах не упоминаются.

Общину мюридов шейха Али-Хаджи Какашуринского в родном ауле возглавлял 35-летний учёный-арабист и мюрид Билар Эльмурзаев.

Популярным шейхом накшбандийского тариката в Южном Дагестане был Юсуф-хаджи ал-Курихи-ат-Табасарани (1860–1932), получивший иджазу в 1906 г. от ранее эмигрировавшего в Турцию шейха Абдул-Керима-Табасарани (*Юсуф-Хаджи Юсуфов.*, 2005. С. 173). В более дальние общины Юсуф-Хаджи назначал своих уполномоченных – вакилей, которым давал конкретные поручения и задания – вирды. Из всех мюридов шейха Юсуфа-Хаджи особым расположением пользовался Сафар-Хаджи Арсугский из Агульского района, который получил иджазу и звание муршида от других шейхов-устазов – Хизри-хаджи Мугринского и Али-Хаджи Акушинского.

Даже в тех населённых пунктах, где были слабые традиции суфизма, шейхами стали объявлять тех, кто вёл аскетический образ жизни (Материалы Дагестанского совета воинствующих безбожников... Оп. 11. Д. 7. Л. 17). Такие примеры свидетельствуют тому, что институт шейхства среди верующих отдельных аулов стал приобретать форму слепого поклонения и копирования.

После подавления восстаний 1930 г. в Дагестанской АССР за духовенством был установлен жёсткий надзор. Руководители мюридских общин, возглавившие повстанцев или просто участвовавшие в восстаниях, были репрессированы, а в самые «неблагонадёжные» населённые пункты внедрена агентура из местных жителей, обязанная докладывать в районные отделы ОГПУ о всех контактах и перемещениях шейхов и их мюридов.

В 1933 г. под контролем Дагестанского отдела ОГПУ находились 11 общин мюридов, включавших наиболее активных 133 мюрида. Из них 44 мюрида (33%) приходились на Буйнакский район: 10 жителей селения Нижний Дженгутай Буйнакского района являлись мюридами шейха Асрланали-хаджи Казанищенского, и возглавлял их старший мюрид и учёный-арабист Билал Алибеков; 10 жителей селения Доргели Буйнакского района являлись мюридами покойного Али-Хаджи Акушинского. По 12 мюридов «прорабатывались» районным отделом ОГПУ в селениях Верхний Каранай и Нижний Каранай Буйнакского района (Политические сводки ОГПУ.... Оп. 2. Д. 49. Л. 104–105). «Прорабатывались» также общины мюридов А.-Х. Акушинского в селениях Карацан (6 мюридов) и Джирабачи (24 мюрида) Кайтагского района, Губден (14 мюридов) и Мугри (11 мюридов) Коркмаскалинского (ныне Сергокалинского) района.

Показательно, что районные отделы ОГПУ внедрились свою агентуру и в населённые пункты горного и высокогорного районов. В частности, в селении Лучек Рутульского района на «проработке» районного отдела ОГПУ находились 15 мюридов местного шейха. В лезгинском селении Ашар Курахского района «прорабатывались» 13 мюридов. В селении Какамахи Махачкалинского района на учёт

были взяты 7 мюридов шейха Испаги (Магомеда Нуцал Испии Гаджиева). Все они подозревались в оказании сопротивления созданию колхозов и других хозяйственных и политических кампаний и были объявлены врагами советской власти и, вероятно, репрессированы.

Под контролем агентов и сотрудников Дагестанского отдела ОГПУ в 1933 г. находились 7395 мюридов умерших и репрессированных шейхов. По другим данным ОГПУ, на контроле состояли 11437 мюридов, и это число не совсем точное (Политические сводки ОГПУ.... Оп. 2. Д. 49. Л. 93–94).

Рост влияния шейхов и увеличение количества их общин были под постоянным наблюдением институтов государства, в том числе и партийного руководства. Например, в январе 1927 г. бюро Дагестанского обкома ВКП (б) вынесло на обсуждение вопрос «О практических мерах борьбы с мюридизмом», но в протоколе заседания нет никакого решения (Материалы Дагестанского обкома ВКП (б)... Оп. 1–п. Д. 725. Л. 78). «Меры борьбы с мюридизмом» с марта 1925 по январь 1927 г. несколько раз обсуждал и Агитационно-пропагандистский отдел Дагестанского обкома ВКП (б) (Материалы Дагестанского обкома ВКП (б)... Оп. 1–п. Д. 796. Л. 7). Так как все суфийские братства были крепко спаяны и закрыты для посторонних, а сами шейхи и их мюриды находились под защитой самих обществ – джамаатов, то до конца 20-х гг. власти никак не могли их ликвидировать. Как правило, Дагестанский обком партии борьбу с «шейхизмом» и «мюридизмом» поручал правоохранительным и силовым структурам республики. Чем больше власть преследовала суфиев, тем больше росла их популярность среди жителей, росли ряды мюридов за счёт женщин. В глазах горцев шейхи и их старшие мюриды стали борцами за веру. Религиозные гонения, усилившиеся в 30-е г., стимулировали внутреннее духовное сопротивление верующих. Правда, правила игры между государством и общинами мюридов сильно изменились. Практически все братства перешли на нелегальное положение.

Несмотря на начавшиеся в конце 20–30-е гг. политические репрессии и понесённые потери, в Дагестане влияние суфиев на верующих не было подорвано. Суфийские братства ушли в подполье, и их деятельность временно замерла. Советские преобразования рассматривались духовенством и просто верующими как чуждые и привнесённые извне, расшатывающие многовековые устои мусульманства. Поэтому заметное увеличение числа мюридов за счёт женщин было своего рода ответной реакцией на гонения властей. Мы полагаем, что, вовлекая женщин в эту деятельность, духовные вожди мусульман пытались сохранить силу ислама в Дагестане и веру людей в его возрождение. Шейхами брался в расчёт и такой важный фактор, как неприкосновенность женщины на Кавказе. На наш взгляд, этот фактор был исключительным и более надёжным в условиях тотального давления институтов государства на религиозных деятелей и просто верующих, тем более что «воинствующий атеизм» с конца 20-х гг. стал господствующей идеологией в стране. В политических репрессиях 30-х гг. погибла самая интеллектуальная и активная часть духовенства. В их числе десятки шейхов и их мюриды. Тем не менее государству не удалось окончательно подорвать корни суфизма в Дагестане. Суфии постепенно начали выходить из подполья в годы Великой Отечественной войны и стали расширять своё влияние на верующих до конца 50-х гг. Этот вопрос выходит за хронологические рамки нашей темы и требует отдельного освещения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аджаматов Б.*, 2005. Аксайские шейхи. Махачкала.
- Аликберов А.К.*, 2003. Эпоха классического ислама на Кавказе. М.
- Алискеров И.Ш.*, 1967. Борьба Дагестанской партийной организации за освобождение трудящихся из-под влияния мусульманского духовенства (1920–1937 гг.): Дис... канд. ист. наук. Махачкала.
- Арипов Гаджи.*, 2005. Баракат. Махачкала.
- Атеистическое воспитание населения. 1977. Махачкала.
- Бобровников В.О.*, 2006. Мюридизм // Религиоведение: энциклопедический словарь. М.
- Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.) Документы и материалы. Составители: Какагасанов Г.И. и др. 2007. Махачкала.
- Гаджиев М.-Г.М.-А.*, 2003. Тарикат о нравственном воспитании // Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень Комитета Правительства РД по делам религий № 1 (4).
- Даниялов А.Д.*, 1975. Строительство социализма в Дагестане. 1921 – 1947 гг. (Узловые проблемы). М.
- Доклад члена Реввоенсовета (РВС) Кавказского фронта Трифонова в ЦК РКП (б) от 12 ноября 1920 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 75.
- Материалы Дагестанского совета воинствующих безбожников (СВБ) // ЦГА РД. Ф. р–238. Оп. 4. Д. 17.
- Материалы Дагестанского совета воинствующих безбожников // ЦГА РД. Ф. р–238. Оп. 11. Д. 7.
- Материалы Дагестанского обкома ВКП (б) // ЦГА РД. Ф. 1–п. Оп. 1. Д. 725, 796, 1240.
- Материалы Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) ДАССР // ЦГА РД. Ф. р–37. Оп. 18. Д. 25.
- Мусаев М.М.*, 1999. Палачи и жертвы. Кизилюрт.
- Нажмутдин Самурский (Эфендиев)*, 2003. Книги, статьи, документы, исследования. Составитель Ханбабаев К. М. Махачкала.
- Политические сводки ОГПУ // ЦГА РД. Ф. р–800. Оп. 2. Д. 15, 17, 23, 49.
- Политические сводки ОГПУ // ЦГА РД, Ф. р–800. Оп. 3. Д. 4.
- Протокол заседания II объединённого пленума Дагестанского обкома РКП (б) – ВКП (б) и Дагестанской контрольной комиссии РКП (б) – ВКП (б) от 27 марта – 10 декабря 1925 г. // ЦГА РД. Ф. 1–п. Оп. 1. Д. 607.
- Скачко Ан.*, 1931. Дагестан. М.
- Следственные материалы Архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Дагестан // Архив ФСБ РФ по РД. Д. № 06599. Т. 2.
- Справка по агентурным ресурсам Дагестанского отдела ОГПУ на 1. X. 1930 г. // ЦГА РД. Ф. р–800. Оп. 2. Д. 49.
- Шихалиев Ш.*, 2003. Из истории появления в Дагестане последователей накшбандийского и кадирийского тарикатов // Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень № 1 (4). Махачкала.
- Юсуф-Хаджи Юсуфов.*, 2005. Духовное родство. Махачкала.

Якубов М.Х., 2002. Силсила тарикатов в Дагестане // Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень. № 2. Махачкала.